

Насколько такое рѣшеніе осуществимо и живуче, не основано ли оно на нѣкоторой пессимистической оцѣнкѣ современности, съ ея сильной атрофіей индивидуальной инициативы, — вопросъ, на который не мѣсто здѣсь отвѣтить. Несомнѣнно однако, что внесеніе большой роли историзма въ философію права не можетъ не оживить источниковъ ея вдохновенія.

Съ этой точки зрѣнія интересно отмѣтить статью Р. Юбера, посвященную разграниченію теоріи права, философіи права и социологіи, краткую, почти библиографическую статью проф. Лейбгольца, посвященную теоріи Кельзена о чистой наукѣ.

По этому краткому перечню лишь самыхъ значительныхъ статей перваго выпуска — читатель сможетъ судить объ интересѣ, котораго заслуживаетъ появленіе новаго журнала.

П. Леонъ.

G. Gourvitch. Les Tendances actuelles de la Philosophie allemande. Paris, Libr. philos. I. Vrin, 1930.

Г. Д. Гурвичъ излагаетъ и критикуетъ въ своей книгѣ наиболѣе вліятельное теченіе современной нѣмецкой философіи, именно феноменологію въ ея крайне различныхъ видоизмѣненіяхъ. Изложивъ ученіе Гуссерля, основателя феноменологіи, онъ переходитъ затѣмъ къ Шелеру, Ласку, Н. Гартману, Гейдеггеру.

Въ современной нѣмецкой философіи есть много направлений, заслуживающихъ вниманія, но феноменологію слѣдуетъ признать наиболѣе значительнымъ изъ нихъ, если согласиться съ тѣмъ, что передъ нами стоитъ задача вновь заняться разработкою центральной философской науки, метафизики, и осуществлять эту работу необходимо систематически, не на основаніи случайныхъ озареній, а съ помощью гносеологически оправданнаго метода. Существенныя основы такого метода намѣчены Гуссерлемъ въ его ученіи объ интуиціи, направленной на идеальныя сущности (*Wesensschau*), на эйдосы вещей съ ихъ законосообразными структурами. Къ сожалѣнію, однако, въ ученіи Гуссерля есть существенные недочеты, явственно обнаружившіяся въ послѣднемъ произведеніи его «Формальная и трансцендентальная логика». Въ этой книгѣ Гуссерль развиваетъ ученіе о чистомъ сознаніи и заявляетъ, что единственное бытіе, абсолютно несомнѣнное, есть чистое сознаніе. Эта фаза развитія философіи Гуссерля есть не прогрессъ, какъ указываетъ Гурвичъ, а скорѣе регрессъ: въ ней вскрылся недостатокъ, таившійся уже въ предыдущихъ трудахъ Гуссерля, именно нерѣшенность проблемы достовернаго знанія о реальномъ бытіи. Интуитивизмъ Гуссерля содержитъ въ себѣ преодолѣніе психологизма, но онъ не преодолялъ идеализма. Его недостатокъ прямо противоположенъ недостатку Бергсона: у Бергсона есть видѣніе абсолютной реальности творческаго процесса во времени, но нѣтъ видѣнія идей; у Гуссерля есть видѣніе идеальнаго бытія, но нѣтъ ученія о знаніи реальнаго бытія. Не удивительно, что самъ

Гуссерль не сказалъ новаго слова въ метафизикѣ. Крупныя завоеванія въ области этой науки сдѣлалъ самый талантливыи изъ его слѣдователей М. Шелеръ, превратившій идеалистическій интуитивизмъ въ идеаль-реалистическій, весьма близкій къ русскому интуитивизму. Шелеру принадлежитъ также заслуга разработки ученія не только о теоретической, но и о практической интуиціи («Эмоціональный интуитивизмъ»), которую онъ блестяще использовать для изслѣдованія цѣнностей и развитія системы этики.

Свою книгу Гурвичъ заканчиваетъ изложеніемъ главнаго труда Гейдеггера «*Sein und Zeit*». Въ его философіи онъ находитъ сочетаніе «позитивизма сущностей» Гуссерля, эмоціонализма Шелера, ирраціонализма Ласка и попытокъ Н. Гартманна преодолѣть противоположность идеализма и реализма. Гейдеггеръ задался цѣлью дать общую теорію бытія, исходя изъ анализа существованія человѣка или, яснѣе говоря, изъ наличнаго эмпирическаго бытія (*Dasein*) человѣка. Трудъ Гейдеггера не законченъ, появился лишь первый томъ его. Однако и въ этомъ томѣ обнаружались уже неисцѣлимые недостатки его теорій. Проблему бытія Гейдеггеръ хочетъ рѣшить, такъ сказать, снизу, исходя изъ проявленій повседневной жизни. Неудивительно, что онъ находитъ здѣсь только ограниченное, конечное, униженное существованіе человѣка: сущность человѣческаго существованія, по его ученію, есть забота (*Sorge*). Страхъ, подавленность соціальною обиденностью (безликимъ *das Man*), деградация индивидуальности, затерянность въ мірѣ, покинутость и, наконецъ, тоскливый ужасъ, особенно передъ лицомъ смерти — вотъ основное содержаніе жизни человѣка, по Гейдеггеру. Онъ почти не выходитъ за предѣлы кругозора нѣмецкой хозяйки (*Frau Sorge*), снѣдаемой заботами о повседневныхъ мелочахъ жизни. Высшую онтологическую основу и смыслъ заботы, а, слѣдовательно, и человѣческаго *Dasein* онъ находитъ въ такомъ элементѣ бытія, какъ время. Отсюда понятно, что выйти изъ обезличенной потерянности, найти себя человѣкъ можетъ, по Гейдеггеру, только путемъ осознанія своего бытія, какъ «бытія для смерти» и путемъ рѣшимости примириться со смертію. И въ самомъ дѣлѣ, то жалкое человѣческое бытіе, которое описываетъ Гейдеггеръ, по самому существу своему, слава Богу, обречено смерти. Но кромѣ этой смертной стороны въ глубинѣ человѣческаго духа не трудно найти способности и цѣли, абсолютно цѣнныя, дающія основаніе философу взойти путемъ умозрѣнія къ началамъ сверхъ-человѣческимъ и въ конечномъ итогѣ къ Абсолютному, какъ творческой основѣ міра. Только отсюда, сверху, можно понять смыслъ бытія и строеніе его; только исходя изъ Абсолютнаго, можно дать отвѣтъ на вопросъ о необходимой множественности мірового бытія (*in-der-Welt-Sein* человѣка), о положительныхъ сторонахъ времени, о многообразіи путей жизни, о драматизмѣ ея, о тѣлесной смерти человѣка и, несмотря на нее, сохраненіи абсолютныхъ цѣнностей и т. п. Гейдеггеръ, философъ, одаренный большою спекулятивною силою, стремится отвѣтить на всѣ эти вопросы, но, исходя изъ не-

достаточной базы, онъ не можетъ развить подлинной философской спекуляціи; замѣтить этотъ недостатокъ однако не легко, такъ какъ блестящій литературный талантъ Гейдеггера скрываетъ недочеты его мысли. Многія ученія Гейдеггера о жалкомъ эмпирическомъ бытіи человѣка прекрасно использованы въ замѣчательной, только что появившейся книгѣ Бердяева «О назначеніи человѣка», но это удалось ему потому, что онъ въ своей системѣ этики разсматриваетъ міръ и жизнь человѣка сверху и вслѣдствіе этого, зная все богатство бытія, находитъ правильное соотношеніе между положительными и отрицательными сторонами его.

Гурвичъ, сочувственно изложивъ основныя идеи Гейдеггера, дѣлаетъ рядъ важныхъ критическихъ замѣчаній и указываетъ, что безъ восхожденія къ Абсолютному нельзя рѣшить проблемы, ставимыя имъ; я бы прибавилъ къ этому, что для пониманія основныхъ свойствъ бытія нужно взойти не просто къ Абсолютному, а къ Абсолютному, усмотрѣнному также и въ томъ его аспектѣ, въ которомъ оно является намъ въ религиозномъ опытѣ, какъ Богъ.

Трудныя и сложныя ученія Гуссерля, Шелера и др. Гурвичъ даетъ читателю въ простой и ясной формѣ; свое изложеніе онъ снабдилъ цѣнными критическими замѣчаніями, которыя очень повышаютъ значеніе его книги.

Н. Лосскій.

Г. В. Флоровскій. Восточные Отцы IV-го вѣка. Парижъ, 1931. Изданіе YMCA-PRESS, 240 стр.

Всякій, кто вслѣдъ за Гегелемъ признаетъ единство человѣческаго духа и разсматриваетъ исторію философіи, какъ исторію развитія единой мысли, заранѣе предвидитъ, что такіе отдѣлы, какъ христіанская философія, развитая Отцами Церкви или средневѣковыми схоластиками, представляютъ собою цѣнное звено историческаго процесса; невниманіе къ этимъ отдѣламъ становленія мысли, забвеніе ихъ обиднало философію второй половины XIX в. Къ счастью, такая односторонность начинаетъ исчезать. Есть и внѣшніе признаки расширенія кругозора современной философіи. Приведу одинъ лишь примѣръ. Въ прежнихъ изданіяхъ «Исторіи философіи» Ибервега, въ томѣ, посвященномъ XIX вѣку, не было обзоровъ христіанской, именно католической философіи: ее игнорировали подъ тѣмъ предлогомъ, будто зависимость ея отъ религіи лишаетъ ее научной цѣнности. Въ послѣднемъ изданіи, появившемся года четыре тому назадъ, уже введенъ обзоръ католической философіи XIX-го вѣка. Еще большую цѣнность имѣетъ изученіе классическаго періода христіанской философіи. Нельзя поэтому не привѣтствовать широко задуманный трудъ Г. В. Флоровскаго «Богословіе Отцовъ Церкви», опубликовавшаго важнѣйшій выпускъ этого труда «Восточные Отцы IV-го вѣка», составляющій «почти самостоятельное цѣлое». Именно въ IV вѣкѣ нашей эры величайшіе Отцы Церкви, св. Афанасій Великій, Василій Великій, Гри-